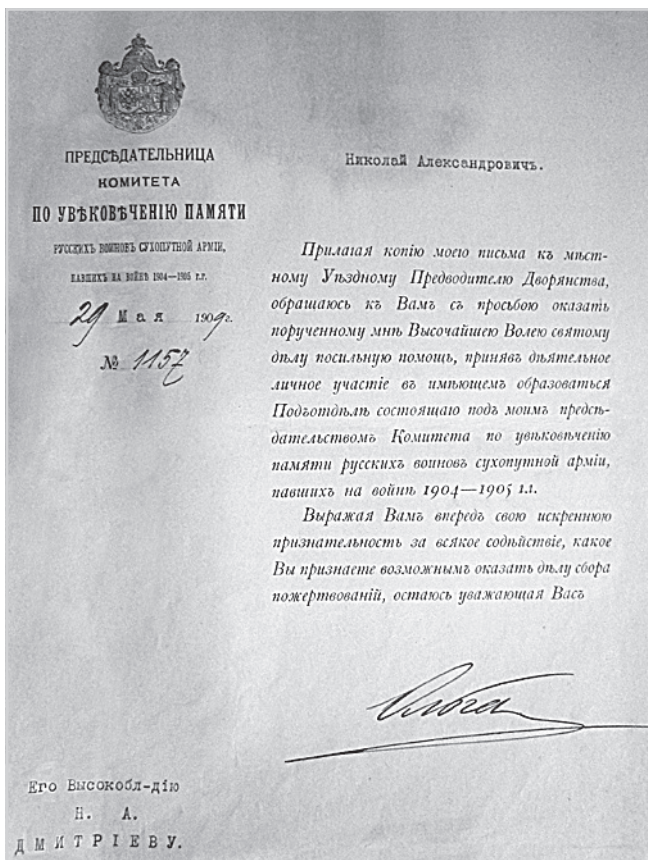

Ростовская ЕТАРИНА

Выпуск музея-заповедника «Ростовский кремль», № 166

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

О Ростовском подотделе Ольгинского Комитета

• Константин Степанов

29 мая 1909 г. письмом за № 1156 великая княгиня Ольга Александровна уведомила ростовского уездного предводителя дворянства Николая Александровича Дмитриева в том, что высочайшим рескриптом от 19 февраля 1909 г., данным на имя председателя Совета Министров, образован особый Комитет для сбора пожертвований по увековечению памяти русских воинов сухопутной армии, павших на войне 1904—1905 гг. (находился по адресу: Санкт-Петербург, Сергиевская, 46). По почину августейшей покровительницы Комитета императрицы Александры Федоровны Святейшим Синодом был установлен кружечный сбор по церквям Российской Империи. Для увеличения сбора пожертвований на местах председателем Комитета по увековечению памяти русских воинов Ольга Александровна решила образовать в губерниях и областях страны особые отделы, а в уездах — их подотделы. В связи с этим она предложила Дмитриеву открыть в Ростовском уезде подотдел Ярославского губернского отдела, включив в его состав председателя уездной управы, городского голову, и привлечь «к участию в деле возможно широких кругов населения». Приложил к письму 10 экземпляров подготовленного Комитетом «возвращения» к жертвователям, Ольга Александровна попросила предводителя дворянства, после образования подотдела, отправить в ее адрес список лиц, желающих вступить в общественную организацию. 29 мая 1909 г. в письме за № 1157 великая княгиня лично обратилась к Дмитриеву с просьбой оказать посильную помощь и принять активное участие в именуемом образоваться подотделе, состоящего под моим председательством Комитета».

На основании этого 7 июля 1909 г. в г. Ростове состоялось собрание под председательством уездного предводителя

дворянства, который предложил «открыть подотдел Ярославского отдела Комитета по увековечению памяти русских воинов». Присутствующие согласились с этим и по вынесенному постановлению избрали его председателем Н.А. Дмитриева, а членами — Ардалиона Христофоровича Опеля, Сергея Михайловича Леонтьева, А.П. Ораевского, Сергея Александровича Юдина, Вениамина Семеновича Преображенского и Андрея Александровича Титова. Всем членам вновь образованного подотдела были розданы «воззвания» и подписные листы для сбора пожертвований. В свою очередь, Опель согласился «отпечатать необходимое количество воззваний и подписных листов бесплатно на своей типографии».

Однако, несмотря на постановление городского общества об открытии в городе уездного подотдела, быстро приступить к осуществлению намеченной задачи не удалось. Это было вызвано тем, что Н.А. Дмитриев 29 сентября 1909 г. скончался, а другие члены без надлежащего руководства почему-то не спешили со сбором денег на вышеуказанное мероприятие. Поэтому неслучайно управляющий делами Комитета В. Звезгинцов 5 августа 1910 г. отношением за № 460 предложил уездному предводителю дворянства Г.М. Леонтьеву сообщить о том, «какие меры приняты для образования уездного подотдела Комитета». Такое же письмо было направлено и в Ярославль, поэтому ярославский губернатор 21 августа 1910 г. отношением за № 9650 предложил уездному предводителю сообщить о положении дел по открытию и работе общественной организации. Только после этого Г.М. Леонтьев написал губернатору об организации 7 июля 1909 г. подотдела Ярославского отдела, но в связи со смертью его председателя он «никакой деятельности не проявил». Наряду с этим

предводитель дворянства также сообщил о назначенном на 23 сентября 1910 г. совещании для обсуждения вопроса о работе подотдела. Аналогичное письмо было отправлено и в Санкт-Петербург, т.к. на втором экземпляре к губернатору сохранилась следующая надпись: «Такого же содержания и в Комитет».

По приглашению Г.М. Леонтьева на заседание подотдела Ярославского отдела Комитета по увековечению памяти русских воинов 23 сентября 1910 г. прибыли его члены — С.М. Леонтьев, А.П. Ораевский, А.А. Титов, В.С. Преображенский и С.А. Юдин. Поскольку «действия означенного подотдела не были открыты», присутствующие согласились начать работу и избрать председателем Г.М. Леонтьева. Было решено обратиться к владыке Иосифу, епископу Угличскому, принять звание почетного председателя подотдела, пригласить в его состав протоиерея ростовского Успенского собора о. Александра Пречистенского, а также просить А.Х. Опеля выполнить данное им обещание «о напечатании воззваний и подписных листов бесплатно в его типографии в размере 150 экземпляров». Эта просьба была удовлетворена и вскоре каждый член уездного подотдела вновь получил «воззвания» и подписные листы. В частности, письмом за № 7 от 24 января 1911 г. Леонтьев обратился к Титову со следующими словами: «Милостивый государь, Андрей Александрович! Препровождая при сем три экземпляра воззваний и подписных листов за №№ 15—17... покорнейше прошу Вас организовать сбор пожертвований и собранные деньги направлять мне для отсылки в Ярославский отдел». 26 января 1911 г. А.А. Титов, как и другие члены подотдела, написал расписку в их получении, которую передал председателю.

Деньги первым собрал инспектор народных училищ 2 участка Ярославской губернии Московского учебного округа В.С. Преображенский и 22 февраля 1911 г. с письмом за № 250 направил их в адрес Г.М. Леонтьева: «Честь имею при сем к Вашему высочайшему препроводить 24 р. от учащих и учащихся в Ростовских приходских и в Шулецом начальном училище, собранных при возвращении при сем подписным листам №№ 5, 6 и 7». Следует отметить, что часть листов для сбора пожертвований Преображенский передал учителям. Об этом известно из письма учительницы Ильинско-Хованской школы Александры Соколовой от 30 марта 1911 г. на имя Леонтьева, с которым она направила в его адрес подписной лист за № 9 и денежный перевод. В месте для сообщения Соколова написала: «Глубокоуважаемый Георгий Михайлович! Препровождаю Вам пожертвованные деньги... по увековечению памяти русских воинов, павших на войне 1904—1905 гг. пять руб. 80 коп. (5 р. 80 к.)». После назначения Преображенского директором Новинской учительской семинарии Ярославской губернии он 11 октября 1911 г. сообщил ростовскому предводителю дворянства, что подписной лист за № 8 передал учительнице начальной школы с. Ивановского-на-Лехти. Получив указания, инспектор начальных училищ 2 участка Ярославской губернии 6 января 1912 г. в письме за № 23 сообщил Леонтьеву, что собранная сумма «пятнадцать рублей

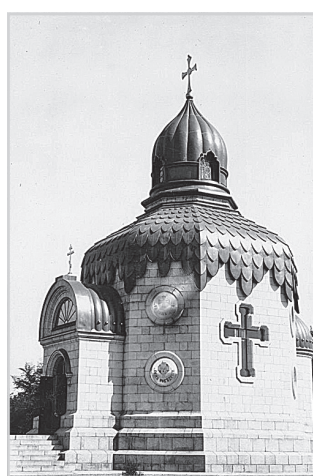
двенадцать копеек... внесена мною в Ростовское уездное казначейство под квитанцию от 7 декабря 1911 года за № 10646».

Однако, пожертвования поступали редко и в небольшом количестве, что в конечном итоге заставило Г.М. Леонтьева 18 апреля 1914 г. напомнить остальным членам подотдела о необходимости возврата подписных листов и собранных денег. После этого vicarный епископ Угличский Иосиф представил три подписных листа и 5 руб. В свою очередь С.А. Юдин, переведенный на новое место службы инспектором народных училищ в Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губернии Одесского учебного округа 6 мая 1914 г. в письме за № 1021 сообщил председателю подотдела об отправке в Ростов подписного листа и денежного перевода на сумму 1 руб.

Согласно исследованиям С.С. Лешоко, собранные по стране пожертвования позволили не только открывать часовни-памятники, но и заложить 8 сентября 1911 г. храм-памятник во имя Христа Спасителя в Мукдене на территории большого русского воинского кладбища (см. фото). Разрешение на закладку было дано архиепископом Иннокентием, начальником Российской духовной миссии в Китае. Его постройка завершилась в 1912 г., несмотря на это, в 1914 г. храм еще так и не был освящен.

Примечательно, что в 1911 г. был построен и храм Спаса-на-Водах в Санкт-Петербурге в память о моряках, погибших в Цусимском и других морских сражениях в 1904—1905 гг., деньги на который собирал Комитет под почетным председательством королевы эллинов и российской великой княгини Ольги Константиновны. В порядке отступления следует отметить, что посильный вклад в это внесли и ростовцы. Так, 24 сентября 1909 г. на совещании в составе исполняющего должность уездного предводителя дворянства М.А. Ошанина, председателя Ростовской уездной земской управы С.М. Леонтьева и городского головы А.Х. Опеля рассматривалось предложение губернатора о сборе денег на храм в память о погибших моряках во время русско-японской войны. Было решено организовать сбор пожертвований в церквях Ростова и уезда.

Из всего вышеприведенного видно, что ростовская общественность не осталась в стороне по увековечиванию памяти русских солдат и матросов, павших в войну 1904—1905 гг., и внесла посильную лепту в дело общегосударственной значимости.

Духовные завещания ростовских крестьян-огородников в конце XVIII — первой половине XIX в.

• Александр Морозов

Российское законодательство в указанный период предоставляло право совершать завещание гражданам всех сословий, за исключением монашеских. Возраст завещательной дееспособности был с 21 года. Завещательные отношения в русской крестьянской среде в целом регулировались нормами обычного права, которые порой противоречили законодательству. Развитие капиталистических отношений, преобладание малосемейной модели у состоятельных ростовских крестьян — огородников и торговцев уже в это время создали предпосылки для регулирования их завещательных отношений общегосударственным законодательством.

Духовные завещания крестьян отложились в документах различных ведомств и учреждений, например, вочинных делах — рапортах бурмистров, специальных нотариальных, мажорских книгах, делах уездного земского суда и др. Так, в «Книге для записи договоров и согласий» 1826—1832 гг. Поречского вочинного правления (орган местного самоуправления) было нотариально зарегистрировано 6 завещаний. Во многом они сходны с завещаниями ростовских купцов, хотя и не такие подробные.

Завещание оформлялось в письменной форме в присутствии свидетелей. По своей форме оно почти всегда несет преамбулу: «Во имя отца и сына и святого Духа Бога, в Троице прославляемого. Аминь». Затем следует общий для всех завещаний, отличающийся в деталях оборот речи: «...чувствуя наступившую себе преклонную старость, из чего предвижу приближение к концу дней, почему я заблаговременно, будучи в здравом уме и совершенной ныне памяти разсудил сделать о могущем остаться по смерти моей имения следующее завещание». Необходимым считалось наличие здравого ума в момент совершения распоряжения, в случае душевной болезни наступавшее вследствие светлого промежутка, доказываемого содержанием завещания и показаниями свидетелей. Завещатель — крестьянин, нередко крестьянка, назывались по имени, отчеству и фамилии.

Основное место в завещании, как правило, занимало распределение между наследниками частей жилых домов с иконами, мебелью и прочим скарбом, торговых и кустарных заведений, капитала, рекрутских долей, огородной земли, и крепостных людей при их наличии. Часть имущества могла передаваться церкви на помин души.

Отметим, что наибольшая свобода в распоряжении земельным участком посредством завещания признавалась в отношении приобретенных огородных и иных участков, а также строений в городе. Меньшая свобода — в отношении земельного надела в вотчине. Прекращение в конце XVIII в. коренных переделов земли постепенно привело к свободному обмену, купле-продаже огородниками своих наделных участков, сосредоточения большего или меньшего, неравномерного количества земли в личном, семейном пользовании. И как следствие, их упоминанию в завещаниях.

Среди наследников называются, прежде всего, близкие завещателя: жена, дети, брат, мать. Так, наследование половины дома и капитала завещателя его женой зачастую являлось следствием ранее заключенного между ними брачного контракта. Имеются случаи завещания имущества внуку, племяннику, крестнику и снохе. При отсутствии близких родственников имущество могло быть завещано дальним, а также людям, не состоявшим в родстве с завещателем, но принадлежавшим тому же помещику или обществу. Нередко обязанностью наследников становилось прижизненное содержание и «должное почитание» завещателя. В случаях, когда имущество и капитал, при отсутствии

наследников, полностью завещались церкви, находившиеся у крестьян при доме «в услугах» их крепостные люди могли получить от помещика вольную. В форме завещания зафиксированы также случаи передачи имущества от вольноотпущенных крестьян их родственникам, оставшимся в крепостном состоянии, с оговоркой о дальнейшей возможности купеческой родни, приезжая, в доме «гостить в приличных комнатах».

Завещатель мог, с ведома вотчинной администрации, совершать завещательные распоряжения: назначать по завещанию опекуна для несовершеннолетнего ребенка и жены, определять душеприказчиков, а также сделать оговорку, что он вправе, в дальнейшем завещание изменить. Среди исполнителей и душеприказчиков указаны священники, вотчинная администрация, родственники и компаньоны, которым нередко поручались выплаты долгов завещателей и/или получение денег от их должников.

Завещательный акт подписывался завещателем и свидетелями, а также духовником завещателя — священником приходского храма, указывалось их имя фамилия, порой отчество. Документ предьявлялся в тот или иной нотариальный орган, где регистрировался, заверялся подписями соответствующих должностных лиц: маклера или бурмистра.

«Во имя отца и сына и святого Духа Бога, в Троице прославляемого. Аминь».

Вотчины Его Сиятельства Государя нашего графа Владимира Григорьевича Орлова села Поречья крестьянин Никита Ильин сын Бровин, чувствуя наступившую себе преклонную старость, из чего предвижу приближение к концу дней, почему я заблаговременно, будучи в здравом уме и совершенной ныне памяти разсудил сделать о могущем остаться по смерти моей имения следующее завещание. А имянно: определяю жене моей второго брака Евдокее Ивановой согласно данной ей от меня при вступлении с нею в брак подписке, да предоставится половина каменного моего дома, а из капитала две тысячи рублей. А рожденных от нее детей моих дочерей девиц награждаю: Катерине пятьсот рублей; Марье пятьсот рублей; Марфе пятьсот рублей и Евдокее пятьсот рублей.

А детям моим от первого брака сыновьям Петру и Якову предоставляю вторую половину прописанного моего каменного дома; а сверх сего лишнего ума прописанного сына моего Петра на прокормление его по смерти моей предоставляю пятьсот рублей, каковое мое духовное завещание жене моей и наследникам моим приказываю и при разделе прописанного моего имения ни каких ссор и тяжб не заводите, а содержать все вышенаписанное свято и нерушимо.

А порецкое вотчинное правление покорнейше прошу рассмотреть оное где следует записать и по записи мне выдать. Генварь 17 день 1830 года.

К сему духовному завещанию крестьянин Никита Бровин руку приложил, крестьянин Иван Бровин свидетелем был, крестьянин Василей Чудинов Баженов при сем духовном завещании свидетелем был в том и руку приложил.

Завещание сие крестьянином Никитой Бровиным сделано в здравом его уме и совершенной памяти в том свидетельствову Духовниково священник Иоанн Яковлев.

1830 года Генваря 24 дня Сие Духовное Завещание Его Сиятельства Государя нашего графа Владимира Григорьевича Орлова в порецком вотчинном правлении явлено и в книгу записано, подлинное выдано Никите Бровину.

Бурмистр Иван Самойлов [подпись].

Лагун, буян, полубарок, нажим, полуфурок, герберх и железные часы в каменной башне

• Елена Крестьянинова

Архивные документы конца 18 века содержат немало слов и выражений, которые сегодня из употребления вышли, и без их «перевода» бывает трудно понять и ясно представить былую, скрытую за далью веков повседневную жизнь во всем ее многообразии.

В 1791 г. калязинский купец Т.Ф. Полежаев заключил контракт, по которому должен был доставить на своем полубарке водной коммуникацией в Санкт-Петербург среди прочих товаров ростовского купца Г.И. Мальгина его 45 лагунов - к масляному буяну. То есть, на небольшом судне с лошадиной тягой

доставит по системе рек от Ростова до СПб к зданию биржи, построенному арх. А. Ринальди в 1763 г., 40 деревянных бочонков сала. Значит, Г.И. Мальгин, основавший в Ростове крупное свечное производство, имел сбыт не только в ближних городах, но и в столице. А из дальнейших сведений известно, что сын перевозчика Полежаева - стал крупным купцом, внуки основали пароходное движение по Волге, Волжско-Камский банк, а один из них взял жену из рода Мальгиных.

В 1786-1800 гг. ростовская ярмарка стремительно набирала обороты. В Ростове начинают появляться ино-

странцы. Об этом говорит контракт 1796 г., заключенный купеческим сыном Р.М. Лодыгиным с поречским крестьянином Н.П. Рудаковым на совместное содержание герберха. Именно так назывался не просто постоялый двор, но - гостиница для иностранцев. Сколько их приезжало, бог весть, пока таких сведений нет, но сметливые ростовцы, очевидно, посчитали выгодным содержать герберх - который в то время был в Ростове единственным.

Наверное, нажим тоже был в Ростове достаточно редким приспособлением. В 1794 г. купеческая

девица П.С. Ананина продала купцу 1 гильдии И.И. Щеникову «собственный свой железный слесарной работы с винтом нажим за 85 р.». Этот нажим достался ей по наследству, очевидно, был ценной вещью. Предполагаю, что речь идет о прессе, с помощью которого можно было производить масло путем отжима семян, и девушка не продешевила: за эти деньги в то время можно было купить небольшой деревянный домик с землей и хозяйственными постройками.

То ли рынок предложения домов был тогда изрядным, и они были недорогими, то ли мастера-умельцы

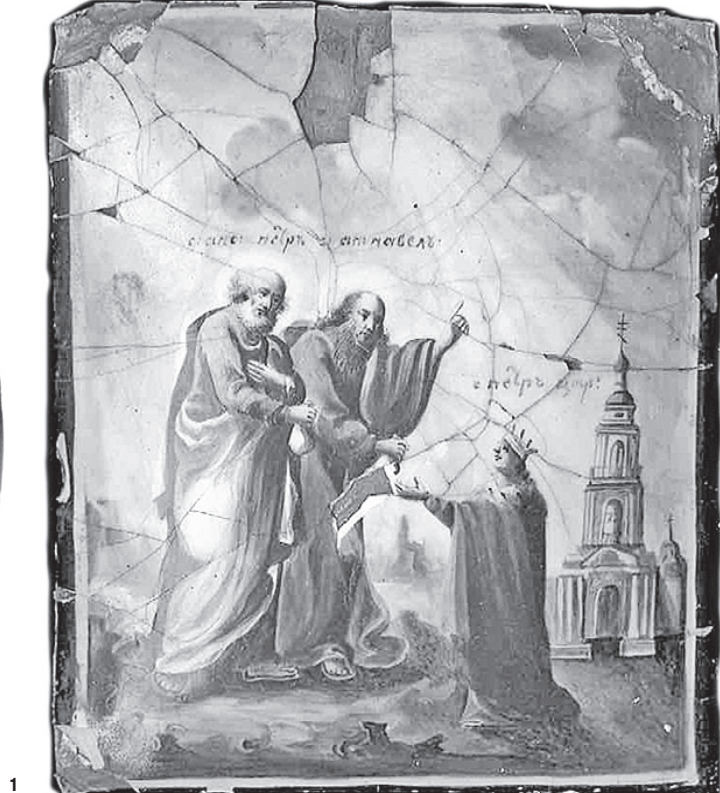
высоко ценились, но за починку двух полуфурков (небольших фур) крестьянин из деревни Подыбья А. Кузнецов порялся с капитана мушкатерского полка Нелюбова взять 60 р. Надо было за 6 дней, в том числе «вместо палубы на таких же дугах сделать крышки, обшитые дранью, покрыть равендуком с подзором. И крышкам быть на трех железных петлях с пробоями. Крышкам быть так сделанными, что места довольно было фурману сидеть...». Эти отремонтированные фуры должны были еще послужить мушкатерскому генерал-майору Несветаева полку.

Очевидно, такой же умелец следил

за городскими часами. В 1794 г. это был ростовский 3 гильдии купец П.М. Расстригин, который должен был часы «водить безостановочно, и в случае повреждений, требующих издержки на один раз не более рубля, то оные починивать своими материалами и работником, как к ходу следует, за что и получить по заслуге 35 р.».

Год за годом шло время, которое бесстрастно отсчитывали главные ростовские «железные часы в каменной (часобитной) башне». До 1830-х годов 18 колоколов этих курантов отзванивали мелодию. А потом обветшавшую башню разобрали. Судьба же часов неизвестна.

Финифтяные иконы ростовского святого Петра царевича

• Александр Мельник

Местное почитание преподобного Петра царевича начало складываться в конце XV века, а общецерковный статус оно получило в середине XVI столетия. Основным центром почитания святого являлся Ростовский Петровский монастырь. Предлагаемая статья, составленная на базе архивных документов, посвящена истории создания финифтяных иконок с изображением Петра царевича по заказу упомянутой обители.

Ниже свидетельства источников, охватывающие период конца XVIII - начала XX века, представлены в виде хроники. К сожалению, не все необходимые документы сохранились. Поэтому в приводимой ниже хронике имеются заметные лакуны.

1793 г. Монастырь заплатил «за зделание финифтяной штуки» 4 руб. 15 коп.

1794 г. «Куплено финифтяных образов дватцать, плачено восемь рублей».

1805 г. «Выдано иконописцу ростовскому посадскому Гаврилу Гвоздареву за купленные у него для благоговения богомольцев финифтяные образа преподобного Петра царевича числом дватцать четыре образа дватцать рублей».

1851 г. «Плачено ростовской Преображенской, что на кладбище, церкви дьячку Николаю Васильеву, за написание пятнадцати на финифте образов с справою на благоговение благотворителей обители серебром тринадцать рублей».

1852 г. «Плачено ростовской Преображенской церкви, что на кладбище, дьячку Николаю Васильеву, за написание пятнадцати икон пр. Петра царевича на финифти и 20-ти малых с справою разной величины на благоговение благотворителей обители: сер. тринадцать рубл.».

«Плачено ростовской Преображенской церкви дьячку Николаю Васильеву, за написание икон на финифте с справою 45 малых и 15 полугорювершковых для церкви и для благоговения благотворителей всего ему плачено серебром пять рублей дватцать копеек».

1854 г. «Плачено казенной Назаровской волости подмонастырной Богоявленской слободы финифтяных дел мастеру крестьянину Петру Григорьеву за написание 32 финифтяных образов, ис коих за 2 двухвершковых изображение Петра царевича в серебряной позолоченной оправе на случай поднесения знаменитым особам 8 руб. За 5-ть вершковых обвальных в медной позолоченной оправе по 40 коп. за каждый - два рубля 10, полувершковых по 25 коп. - 2 р. 50 коп., полтора десятка малых по 3 коп. - 45 коп.».

1856 г. «Плачено казенной Назаровской волости подмонастырной Богоявленской слободы финифтяных дел мастеру Петру Григорьеву Шнитову за написание 25 образов на финифте преподобного Петра царевича в медной оправе для благоговения значительных посетителей благотворителей монастыря, из числа коих за 11 штук вершковых по 20 коп. сереб. 12 полувершковых по 10 к. и 2 полугорювершковых в медной позолоченной оправе по 1 р. сер.».

1857 г. «Плачено казенной Назаровской волости подмонастырной Богоявленской слободы финифтяных дел мастеру Петру Григорьеву за написание 5-ти финифтяных образов преподобного Петра царевича в медной оправе для благоговения значительных посетителей и благотворителей монастыря, из числа коих за 3 двухвершковых по 90 к. за каждый и за 2 вершковых по 25 коп.».

1858 г. Плачено Ярославского архиерейского дома штатному служителю Дмитрию Абрамову Метелкину за 60 штук финифтяных образов разных сортов шесть рублей пятьдесят копеек».

1859 г. «Плачено мастеру Ростовского Авраамиева монастыря штатному служителю Ивану Абрамову за написание 5 на финифте икон для особых лиц богомольцев».

1860 г. «Плачено штатному служителю Авраамиева монастыря Ивану Абрамову за написание финифтяных икон 100 штук для особых и приходя-

щих богомольцев». Ему же монастырь заплатил «за написание финифтяных 12 икон» 9 руб.

1861 г. У Ивана Абрамова куплено 50 финифтяных икон за 6 руб.

1862 г. «Штатному служителю Авраамиева монастыря Ивану Кузнецову за написание на финифтяных цках 100 икон разного сорта» заплатили 13 руб.

1863 г. «Крестьянину казенной водчины Петровской слободы Николаю Синицыну за написание финифтяных 200 мелких икон плачено за работу шесть рублей». «Крестьянину подмонастырской Богоявленской слободы художнику Ивану Абрамову Кузнецову за написание на финифтяных цках 50 икон для богомольцев плачено серебром десять руб. У него же монастырь приобрел две финифтяные иконы «лиц Петра и Павла и Петра царевича» за 10 руб.

1864 г. «Плачено художнику крестьянину Ивану Абрамову Кузнецову за написание 420-ти «шту[к]» на финифти 7 рублей 70 копеек.

1865 г. «Куплено финифтяных образов у ростовского мещанина Ивана Андреева Нашахалова» на 12 руб.

1878 г. «Плачено финифтяному мастеру Ивану Абрамову Кузнецову за зделание им мелких финифтяных образков преподобного Петра царевича с апостолами Петра и Павла от одного вершка, до четверти вершка всего числом 400 иконок, за которые четырнадцать рублей».

1879 г. «Плачено финифтяному мастеру Ивану Абрамову Кузнецову за зделание им мелких финифтяных образков разной меры преподобного Петра царевича с апостолами для продажи пятнадцать рублей».

1882 г. «Плачено финифтяному мастеру крестьянину Квасоварной слободы Ивану Абрамову Кузнецову за зделание им мелких финифтяных икон разной величины в количестве 350 штук для продажи двенадцать рублей восемьдесят пять копеек».

1883 г. «Плачено финифтяному

мастеру Петру Иванову Кузнецову за 300 мелких финифтяных иконок для продажи шесть рублей».

1906 г. «Уплачено за финифтяные образки один рубль тридцать копеек».

1911 г. «Куплено образов для продажи на пятьдесят (50) копеек».

Согласно приведенным выше документальным свидетельствам, в конце XVIII - начале XX века по заказу Ростовского Петровского монастыря было выполнено более двух тысяч финифтяных образков с изображением св. Петра царевича. Они предназначались для разного рода богомольцев и благотворителей монастыря. В настоящее время известны лишь немногие из подобных произведений. В частности, в музее «Ростовский кремль» хранятся пять таких иконок (ил. 1, 2, 3, 4, 5). На всех них представлено явление царевичу Петру апостолов Петра и Павла. Это

не случайно, поскольку изображение данного явления было господствующим типом в иконографии Петра царевича с XVI до начала XX века.

Те же документы обрисовывают круг художников-финифтянчиков, которые работали на Петровский монастырь в рассматриваемое время. Это были ростовский посадский Гавриил Гвоздарев, финифтяных дел мастер из Богоявленской слободы крестьянин Петр Григорьев сын Шнитов, штатный служитель Ярославского архиерейского дома Дмитрий Абрамов сын Метелкин, дьячек кладбищенской Преображенской церкви Николай Васильев, штатный служитель Авраамиева монастыря Иван Абрамов сын Кузнецов, мастер из Петровской слободы Николай Синицын, финифтяный мастер Петр Иванов сын Кузнецов (очевидно, сын упомянутого И.А. Кузнецова).

Как видим, это преимущественно ростовские мастера. Характерно, что большинство из них жило в ближайших окрестностях Петровского монастыря на северо-восточной окраине Ростова: в Петровской слободе, в Богоявленской слободе (предместье города, располагавшееся к северо-востоку от Авраамиева монастыря), близ Преображенской церкви.

На фото: 1. Икона на эмали «Явление апостолов Петра и Павла Петру царевичу». Конец XVIII - начало XIX в. 2. Икона на эмали «Явление апостолов Петра и Павла Петру царевичу». Середина - вторая половина XIX в. (после 1836 г.). 3. Икона на эмали «Явление апостолов Петра и Павла Петру царевичу». Вторая половина XIX - начало XX в. 4. Икона на эмали «Явление апостолов Петра и Павла Петру царевичу». Вторая половина XIX - начало XX в. 5. Икона на эмали «Явление апостолов Петра и Павла Петру царевичу». Вторая половина XIX - начало XX в.

